

Ч.С. Пирс

ЧТО ТАКОЕ ЗНАК?*

§ 1. Это в высшей степени важный вопрос, поскольку любое рассуждение представляет собой интерпретацию знаков того или иного рода. Но это также очень трудный вопрос, требующий глубокой рефлексии¹.

Необходимо различать три состояния сознания (*mind*). Во-первых, представим себе спящего человека. Допустим, он воспринимает только красный цвет. Он не думает о нем, поскольку не задает и не отвечает ни на какие вопросы, даже не говорит себе о том, что цвет ему приятен, но только созерцает его в том виде, в каком его преподносит ему фантазия. Возможно, когда ему надоест красный, он переключится на другой цвет, скажем, на бирюзово-голубой или розовый, – но это будет лишь игрой фантазии без каких-либо оснований (*reason*) и безо всякого принуждения. Этот пример максимально близок к тому состоянию сознания, в котором нечто дано без принуждения и основания. Оно называется *ощущением*. За исключением состояния полусна, никто в действительности не испытывает чистых и простых ощущений. Но когда мы бодрствуем, в сознании всегда что-то присутствует, и то, что присутствует в сознании без принуждения и оснований, является чистым ощущением.

Во-вторых, представим себе, что наш спящий вдруг слышит громкий и продолжительный звук парового свистка. В момент, когда свист раздается, спящий вздрагивает. Он инстинктивно пытается избавиться от звука, его руки тянутся к ушам. Не то чтобы свист доставлял ему неудовольствие, просто он так на него воздействует. Инстинктивное сопротивление является необходимой частью этого воздействия: без самоутверждения (которое может быть подавлено) человек не был бы чувствителен, его воля была бы сломлена. Этот случай подобен тому, когда мы пытаемся преодолеть внешнее сопротивление (когда для этого необходимо применить силу). Это чувство действия, оказываемого нами и на нас, которое является нашим чувством реальности вещей, – как внешних вещей, так и нас самих, – может быть названо чувством противодействия (*Reaction*). Оно не свойственно отдельно взятому ощущению; оно возникает, когда одно ощущение прерывается другим. Для него существенно наличие двух вещей, действующих друг на друга.

В-третьих, вообразим, что наш проснувшийся персонаж, не имея возможности прекратить пронзительный звук, вскакивает с места и пытается уйти через дверь, которая, будем полагать, с шумом захлопнулась, как только раздался свист. Допустим, как только наш персонаж раскрывает дверь, свист прекращается. С облегчением он думает вернуться на место и вновь

* Перевод А.А. Аргамаковой под редакцией Е.В. Борисова.

¹ Номера параграфов, которые в рукописи начинаются с § 31, здесь начинаются с § 1, поскольку в издание не включена первая глава задуманной Пирсом книги.

захлопывает дверь. И тут же свист возобновляется. Он спрашивает себя, не могла ли закрытая дверь быть причиной раздавшегося вновь свиста и стоит ли еще раз открыть эту странную дверь. Как только он открывает дверь, звук прекращается. Сейчас наш персонаж находится в третьем по счету состоянии сознания: он *размышляет*. То есть он осознает, что научается, или осуществляет процесс, посредством которого явлению разыскивается управляющее правило, или общий познаваемый способ поведения. Он находит, что некоторое действие является средством, или посредником, для появления определенного результата. Это третье состояние сознания совершенно отлично от двух других. Во втором было только чувство грубой силы, сейчас же речь идет о чувстве управления с помощью общего правила. Противодействие предполагает только две вещи, но для управления нужна третья вещь, которая является средством для цели. Само слово «*средство*» обозначает нечто, что находится посередине между двумя вещами. Кроме того, это третье состояние сознания, или мысль, является чувством научения, а научение является средством, с помощью которого мы переходим от незнания к знанию. Если самое элементарное чувство противодействия включает два ощущения, то можно обнаружить, что самая элементарная мысль подразумевает три ощущения.

При более детальном обсуждении предмета эти идеи, столь туманные при первом рассмотрении, будут все более проясняться, и их важность станет очевидной.

§ 2. Существует три вида интереса к вещи. Во-первых, мы можем испытывать первичную заинтересованность в ней самой. Во-вторых, мы можем испытывать вторичную заинтересованность в ней в связи с ее взаимодействием с другими вещами. В-третьих, мы можем заинтересоваться в ней как в посреднике, когда она передает разуму (*mind*) идею о вещи. То, что выполняет эту функцию, называется знаком, или репрезентацией.

§ 3. Существует три вида знаков. Во-первых, *подобия* (*likenesses*), или иконы (*icons*), которые выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто имитируя их. Во-вторых, существуют *указатели* (*indications*), или индексы (*indices*), которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними. Например, дорожные знаки, указывающие направление пути, или относительные местоимения, которые употребляют после имени вещи, если необходимо еще раз указать на нее, или обращение, такое, как «Эй!», которое воздействует на адресата и привлекает его внимание. В-третьих, существуют *символы*, или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями (*meanings*) благодаря привычке. Таковыми являются большинство слов, фраз, речей, книг и библиотек.

Рассмотрим более детально различные формы употребления знаков этих трех видов.

§ 4. *Подобия*. Фотографии, в особенности моментальные снимки, весьма познавательны, потому что они в определенных отношениях в точности похожи на объекты, которые репрезентируют. Но это сходство присуще фотографиям, произведенным при обстоятельствах, которые физически обусловили их соответствие – пункт за пунктом – природе. В этом смысле получается, что они принадлежат второму классу знаков, которые физически связа-

ны со своими объектами. Другой случай – если я предполагаю, что зебры, по-видимому, упрямы, потому что, как кажется, они похожи на ослов, а ослы известны своим своеволием. Здесь осел служит именно вероятным подобием зебры. Конечно, мы предполагаем, что сходство имеет физическое основание в наследственности; но тогда это наследуемое сходство само выведено из подобия двух животных и у нас нет (как в случае с фотографией) независимого знания обстоятельств происхождения этих двух видов. Другой пример использования подобий – набросок художника с изображенными на нем статуей, живописной композицией, архитектурным сооружением или же фрагментом декорации, созерцая которые, он может выяснить, будет ли его произведение прекрасным и доставляющим удовольствие. Ответ на этот вопрос, таким образом, будет получен почти с полной определенностью, потому что вопрос относится к действию, которое произведение окажет на самого художника. Размышления математиков, как можно обнаружить, вращаются главным образом вокруг использования подобий, которые весьма существенны для их науки. Польза подобий для математиков заключается в том, что они подсказывают, причем весьма точным образом, новые аспекты исследуемых предметов. Например, представим, что у нас есть непрерывная кривая, изгибающаяся сначала по часовой стрелке, потом против часовой стрелки и т.д., как показано на рис. 1.

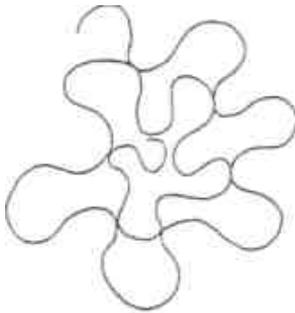

Рис. 1

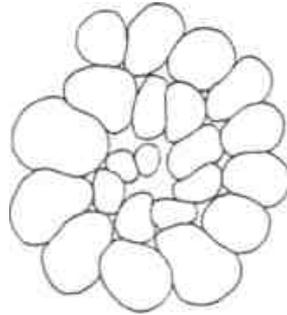

Рис. 2

Предположим дальше, эта кривая линия продолжена таким образом, что пересекает себя в каждой точке изгиба в обратном направлении. Результат показан на рис. 2. Это можно описать как множество овалов, прижатых друг к другу, как если бы они находились под давлением. Без рисунков было бы неочевидно, что первое и второе описание были эквивалентными. Мы обнаружим, когда детальнее рассмотрим наш предмет, что разные формы использования подобий могут подпадать под одну общую формулу.

В межличностной коммуникации подобия также совершенно необходимы. Представьте себе двух людей, которые говорят на разных языках и оказались вместе вдали от своих народов. Они должны вступить в коммуникацию, но как они сделают это? С помощью имитирующих звуков, имитирующей мимики и рисунков (pictures). Это три вида подобий. Конечно, они будут использовать и другие знаки: указание пальцем и тому подобное. Но в конечном счете подобия будут единственным средством для описания ка-

честв подразумеваемых вещей и действий. Когда люди только начали говорить друг с другом, их элементарный язык должен был по большей части состоять либо из прямо имитирующих слов, либо из конвенциональных имен, которые они присвоили рисункам. Чрезвычайно примитивен язык египтян. Он был, насколько мы знаем, самым ранним письменным языком, и его письменность имела форму рисунков. Некоторые из этих рисунков относятся к звукам – к буквам и к слогам. Но остальные соотносятся прямо с идеями. Они не существительные и не глаголы, а просто графические идеи.

§ 5. *Указатели.* Но сами по себе рисунки – чистые подобиya – не способны передать ни малейшей информации. Так, фигура на рис. 3 похожа на колесо.

Но она оставляет рассматривающего ее в неопределенности относительно того, является ли она копией чего-то действительно существующего или просто игрой фантазии. То же самое верно относительно общего языка и всех *символов*. Ни одна комбинация слов (за исключением собственных имен и при отсутствии мимики или других указательных составляющих речи) не может передать ни малейшей информации. Это может звучать парадоксально, но нижеследующий воображаемый диалог покажет справедливость этой мысли.

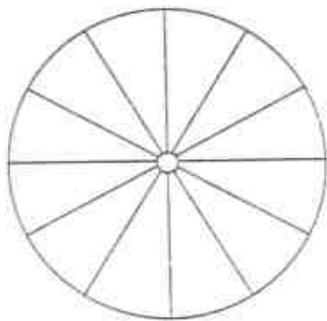

Рис. 3

Два человека, А и В, встретились на проселочной дороге, и между ними состоялся такой разговор:

В. Хозяин того дома – самый богатый человек в здешних краях.

А. Какого дома?

В. Разве ты не видишь на холме вправо от себя дом на расстоянии семи километров?

А. Да, я думаю, что вижу его.

В. Очень хорошо, это тот дом.

Таким образом, А получил информацию. Но если он отправится в далекую деревню и скажет: «Хозяин дома – самый богатый человек в тех краях», – его замечание не будет ни к чему отсылать, если он не объяснит своим собеседникам, как попасть в ту местность и найти этот дом. Иначе он не сможет указать на то, о чем говорит. Для идентификации объекта мы, как правило, сообщаем его место в определенное время, при этом в каждом случае мы должны показать, как опыт этого объекта может быть соотнесен с предыдущим опытом слушателя. Время мы должны рассчитывать от известного момента, либо от настоящего момента, либо от предполагаемого рождения Христа, либо от чего-то подобного. Когда мы говорим, что момент должен быть известен, мы имеем в виду, что он должен быть связан с опытом слушателя.

К тому же мы исчисляем время в единицах, и невозможно объяснить слушателю, какую единицу мы предлагаем использовать, без обращения к его опыту. Ни одно место нельзя описать, не соотнеся его с другим, уже из-

вестным, и та единица расстояния, которую мы употребляем, должна быть определена посредством указания на некую мерную линейку или какой-то другой объект, который люди могут использовать, прямо или косвенно, в своих измерениях. Ясно, что карта очень полезна для обозначения места и она является видом рисунка. Но если на карте не отмечено известное место, не указаны масштаб и стороны света, то по ней точно так же нельзя найти какое бы то ни было место, как по карте из *Путешествий Гулливера* — местонахождение Бробдингнега¹. Конечно, если, скажем, в арктических морях был бы открыт новый остров, то его положение можно было бы приблизительно показать на карте, на которой отсутствуют отметки, меридианы и параллели, поскольку указанием на его местоположение послужат знакомые очертания Исландии, Новой Земли, Гренландии и всего прочего. В таком случае мы опирались бы на наше знание о том, что нет такого второго места, которое на сделанной кем-либо карте имело бы очертания, подобные очертаниям арктических берегов. Этот опыт мира, в котором мы живем, делает карту чем-то большим, чем просто *иконой*: он придает ей также характер *индекса*. Таким образом, один и тот же знак может быть одновременно подобием и указателем. Однако функции этих знаков совершенно различны. На это можно было бы возразить, что подобия, как и индексы², базируются на опыте, что образ красного лишен значения для дальтоника, как и эротическая страсть для ребенка. Но на самом деле эти возражения только помогают различению, потому что для подобия необходим *не* опыт, но *способность* к опыту, которую они имеют, и эта способность необходима не для того, чтобы подобия были проинтерпретированы, а для того, чтобы они вообще могли быть представлены сознанию. Когда люди с опытом и без опыта встречают какого-нибудь человека и наблюдают одни и те же его особенности, человеку с опытом они указывают на целую историю, тогда как неопытному не говорят ничего.

Рассмотрим некоторые примеры указателей. Я вижу человека с походкой враскачку. Это возможный указатель на то, что он моряк. Я вижу кривоногого человека в бриджах, гетрах и жакете. Возможно, это указатель на то, что он жокей или что-то в этом роде. Флюгер *показывает* направление ветра. Обычные солнечные часы *показывают* время суток. Геометры отмечают буквами отдельные части своих чертежей и затем используют нанесенные буквы для указания на эти части. Подобным образом используют буквы юристы и пр. Таким образом, мы можем сказать: если А и В женаты и С – их ребенок, при том что D является братом А, то D – дядя С. Здесь А, В, С и D исполняют функцию относительных местоимений, но являются более удобными, потому что не требуют специальной расстановки слов. Стук в дверь является указателем. Все, что привлекает внимание, будет указателем. Все, что поражает нас, является указателем настолько, насколько оно обозначает

¹ Вторая книга *Приключений Гулливера* Джонатана Свифта начинается с воображаемой карты Бробдингнега, которая сливается с картой Тихоокеанского побережья Северной Америки.

² Пирс написал «знаки» вместо «индексы», на ошибку указывает предшествующий контекст. Однако в некоторых ранних сочинениях индексы упоминаются как «знаки» (см.: [EP 1:7]).

связь между двумя фрагментами опыта. Таким образом, ужасающий удар молнии указывает, что случилось *нечто* значительное, хотя мы можем не знать точно, что именно. Но можно ожидать, что это событие будет связано с каким-то другим опытом.

§ 6. *Символы*. Слово *символ* имеет столько значений, что прибавить еще одно – только повредить языку. Я не думаю, что значение, которое я присваиваю символу, [понимая его как] конвенциональный знак, или знак, зависящий от привычки (приобретенной или врожденной), является новым, скорее это возвращение к первоначальному значению. Изначально он означал вещь, состоящую из соединенных частей; соответственно, ἐμβόλον (embolum) – нечто, вставленное во что-то, например засов (a bolt), παράβολον (parabolum) – нечто, имеющее место сверх чего-то, как дополнительная гарантия, а ὑπόβολον (hypobolium) – нечто подброшенное, как подарочный подарок. Обычно говорят, что в слове *символ* соединение следует понимать как догадку, однако литература не всегда подтверждает этот тезис. Но очень часто греки употребляли «соединение» (συνβάλλειν) для обозначения договора, или конвенции. Итак, символ (σύμβολον) обнаруживается уже в древности и часто используется в значении конвенции, или договора. Аристотель называл существительное символом, т.е. конвенциональным знаком¹. На греческом языке² сигнальный огонь – это символ, т.е. условный сигнал; флаг или знамя – символ, пароль – символ, эмблема – символ; церковное вероучение называли символом, потому что оно служило в качестве эмблемы или опознавательного знака; билеты в театр называли символами; любой билет или квитанцию, позволяющую человеку получить что-либо, называли символом. Более того, любое выражение чувств тоже было символом. Таковы были основные значения этого слова в первоначальном языке. Читатель может судить, достаточно ли они подтверждают мое утверждение, что я не изменил существенно значение этого слова.

Любое обычное слово такое, как «давать», «птичка», «свадьба», является примером символа. Он *применяется ко всему, что может реализовать идею, соединенную со словом*; но сам по себе он не идентифицирует эти вещи. Символ не показывает нам саму птичку, благодаря ему процессы передачи или бракосочетания не предстают перед нашим взором, но символ предполагает, что мы способны вообразить эти вещи и ассоциировать с ними слово.

§ 7. В трех группах знаков – Подобии, Индексе и Символе – можно видеть прогрессию 1 – 2 – 3. У подобия отсутствует динамическая связь с объектом, который оно репрезентирует; просто так случилось, что качества подобия похожи на качества его объекта, и это производит аналогичные ощущения в том сознании, для которого подобие имеет место. Но реально оно не связано с объектом. А вот индекс физически связан со своим объектом, вместе с ним он образует органическую пару. Но интерпретирующий разум мо-

¹ De interpretatione, II. 16a. 12.

² Пирс предпочитал писать «In Greek», а не «in Greece», потому что изучил список альтернативных переводов по *Greek-English Lexicon* Лиддела и Скотта, когда прорабатывал статью σύμβολον.

жет только заметить эту связь, если она уже существует. Символ же связан со своим объектом благодаря идее использующего символы разума, без которого такая связь не существовала бы.

Любая физическая сила действует между парой частиц, каждая из которых могла бы служить индексом для другой. Вместе с тем мы обнаружим, что каждая интеллектуальная операция включает триаду символов.

§ 8. Символ, как мы видели, не может указывать на единичную вещь, он обозначает вид вещи. И сам по себе он является видом, а не единичной вещью. Вы можете написать слово «звезда», но из-за этого вы не станете творцом слова, и если вы стираете его, то не уничтожаете само слово. Слово живет в умах (*minds*) тех, кто его употребляет. Даже если они спят, оно существует в их памяти. Поэтому, если бы встал такой вопрос, мы могли бы согласиться, что универсалии (*generals*) – это просто слова, не признавая при этом, что они, как полагал Оккам¹, суть индивидуалии.

Символы растут. Они развиваются из других знаков, в частности из подобных или из смешанных знаков с природой подобий и символов. Мы думаем только при помощи знаков. Эти ментальные знаки имеют смешанную природу, а их символьные части называют концептами. Если человек производит новый символ, то это происходит благодаря мыслям, заключающим в себе концепты. Только из символов могут образовываться новые символы. *Omne symbolum de symbolo*². Символ, однажды появившийся, распространяется среди людей. В употреблении и в опыте его значение растет. Такие слова, как *сила*, *закон*, *богатство*, *свадьба*, значат для нас нечто весьма отличное от того, что они значили для наших диких предков. Символ может вместе со сфинксом Эмерсона³ сказать человеку:

Я – взгляд твоих глаз (*Of thine eye I am eyebeam*).

§ 9. Во всех рассуждениях мы употребляем смесь *подобий*, *индексов* и *символов*. Мы не можем обойтись без каждого из этих видов. Весь комплекс целиком может быть также назван *символом*, поскольку в рассуждении превалирует символический, живой характер. Иногда метафора бывает полезной: хотя человека, можно сказать, образуют живые ткани, все же фрагменты его ногтей, зубов, волос и костей, в высшей степени необходимые для него, не включены в жизненно важные метаболические процессы, и есть жидкости в его организме, которые не являются живыми. Так вот, мы можем сравнить индексы, которые употребляем в рассуждении, с твердыми частями человеческого тела, а подобия – с кровью: первые приковывают наше внимание к реальным объектам, последние, благодаря своим быстрым изменениям, снабжают питательными веществами главное тело мысли.

Представьте себе человека, рассуждающего следующим образом: Библия говорит, что Енох и Илья были взяты на небеса; если так, то либо Библия ошибается, либо не совсем верно, что все люди смертны. Что такое Библия и каков исторический мир человека, к которому это рассуждение относится,

¹ См.: *Summa totius logicae* Уильяма Оккама. Ч. 1, гл. 14.

² Каждый символ происходит из символа.

³ Пирс часто цитирует этот стих из четырнадцатой строфы поэмы Эмерсона «Сфинкс» (Dail, Jan. 1841).

должно быть показано с помощью индексов. Рассуждающий составляет в уме диаграмму, благодаря которой он видит, что его дизъюнктивный вывод должен быть истинным, если истинна посылка; такая диаграмма является *иконой*, или подобием. Остальное – символы, и все вместе может рассматриваться как модифицированный символ. Он не мертв, но движет разум из одной точки в другую. Искусство рассуждения – это искусство располагать в определенном порядке такие знаки и находить истину.